

Лирический юмор (собственный жанр автора)

Ph. D. & Dr. Sc. Lev Gelimson (Гелимсон Лев Григорьевич, литературно-художественный псевдоним Лео Гимельзон)

Директор Академического института создания всеобщих наук

Westendstrasse 68, D-80339 Munich, Germany

E-mail: Leohi@mail.ru

<http://litkonkurs.com/index.php?dr=17&luid=8677>

http://kekmir.ru/members/person_6149.html

Аннотация. Сущность лирического юмора как собственного жанра автора своей унифилософии представлена явлением – целостной синергетической триадой лирических юморесок «Здравствуй и прощай!», «Язычники» и «Дорогая дорога» в одновременно историческом и логическом порядке написания с выражением мыслей и чувств первых года-полтора вживания учёного и поэта в Запад. Добавлено более ранее стихотворение автора «Дорогая дорога» на русском и немецком ("Die Farben der Fahrbahn") языках.

Ключевые слова: лирический юмор, Здравствуй и прощай, Язычники, Дорогая дорога, Die Farben der Fahrbahn, унифилософия.

УДК 82-7

Гуманитарный научный журнал Всемирной Академии наук «Коллегиум», 14 (2014), 59–70

Lyrical Humor (the author's own genre)

Ph. D. & Dr. Sc. Lev Gelimson (Gelimson Lev Grigorevic, literary and artistic pseudonym Leo Himmelsohn)

Director of the Academic Institute for Creating Universal Sciences

Westendstrasse 68, D-80339 Munich, Germany

E-mail: Leohi@mail.ru

<http://litkonkurs.com/index.php?dr=17&luid=8677>

http://kekmir.ru/members/person_6149.html

Abstract. The essence of lyrical humor as an own genre of the author of his own wholesome uniphilosophy is presented as a phenomenon, namely the triad of lyric humoresques "Hello and Goodbye!", "Ethnics", and "Honey Road" in both the historical and logical order of writing with expressing thoughts and feelings of the 1st integration year as the scientist and poet in the West. The author's verse "Honey road" in Russian and German ("Die Farben der Fahrbahn") languages are also added.

Keywords: lyrical humor, Hello and Goodbye, Ethnics, Honey Road, Die Farben der Fahrbahn, uniphilosophy.

UDC 82-7

Humanitarian Scientific Journal of All-World Academy of Sciences "Collegium", 14 (2014), 59–70

Введение. Естественно начнём с последовательного изложения всех трёх названных лирических юморесок в одновременно историческом и логическом (философские категории [Философский энциклопедический словарь 1983: 231–232]) порядке написания и предлагаемого осмысления.

ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ! [Himmelsohn 2001: 92–94; Himmelsohn 2004: 406–408; Himmelsohn 2004-2: 493–495]

Что я вижу? Это ты, общежитие? Приветствую тебя!

До чего же картинна золотая лень твоей живописной деревянной сказки на душистой лужайке в щедрых лучах неустанной ближайшей звезды мироздания!

Неужели здесь Германия? По-украински шепчутся твои деревья и цветы, размашистой русской речи аккомпанирует романтическая цыганщина румынской, да и сладкоголосые птицы поют без немецкого акцента. И только рыбы – немцы, потому что немые, но и они предпочитают свои полноводные общежития тебе как консервной банке.

Заскучало ты без меня и рекой текущих потомков, укативших на иномарках в иномарки и на собранных из иномарок теперь уже своих велосипедах грызть, не зная своей, гранит чужой грамматики, отскакивающей от редких зубов и вылетающей из другого уха, даже не влетая в одно.

А вот и пригревшийся на завалинке усталый после ночной смены кот, который братьев своих меньших бил по голове наверняка, но зато какой нежной лапкой! «За» ею «битого» уж точно «двух небитых дают», вот они и раздваивались. До того хотели они ответить на радостях взаимностью и даже пригласить на совместную прогулку в рай.

И ты бы охотно вздремнул наподобие этого «охотника» не «за черепахами», пусть и некрепким сном такого же «праведника». Но доброй сотней электробритвенных сил набросилась сирена прозаической косилки на дешёвую траву с таким поэтическим запахом, какой и не снился самым дорогим салонам. Словно живая, вибрирует эта мощь в твёрдых руках звучащей так гордо её «руководящей и направляющей силы» в белоснежной рубашке с галстуком «по предпоследнему писку последней моды». Старается. Слышал «мастер дома», видать, что наш коллега-дворник именно из-за фартука вымер, как мамонт.

Неведомый магнит снова втягивает меня в твою родную до боли квартиру на три семьи, довольные собой, но не другими. И летом – «мороз по коже»: «вспомнишь – вздрогнешь». Твои «огонь и воду» можно постичь только по чужой доброй воле на своей обозлённой шкуре.

Забыли воспеть нас за такое «хождение по мукам» и уходящие по обыкновению налево «медные трубы». Так и вспоминается «непобедимая и легендарная» тобой «любимая родная армия». И «шлёт» ей «песню-привет» наша старая распавшаяся Родина в обнимку с новой объединившейся.

Даже арифметика бьёт здесь наповал, переходя, как красное знамя, в антифизику. Вначале 10-11 человек складываются и «сами с усами», и своими рвущимися от крупнокалиберной мелочи кошельками по каждому хитрому поводу.

За сложением – сразу деление. На три делятся три комнаты, три холодильника, кухня, душ по отверстиям распылителя, неделимая, как бывшая Россия, стиральная машина, два туалета и гараж для автомобиля, где только его и не разрешено держать. Но нельзя и на себе, а вот на других, с пролетарской хваткой буржуазно эксплуатируя «в хвост и в гриву», – можно!

А дальше вычитается «разумное, доброе, вечное», умножаются и прямо возводятся в кривые степени заряды почему-то сразу трёх противоположных знаков, причём не только не притягиваются, но и самым безобразным образом отталкиваются «со страшной силой». Она просто разнесла бы в щепки эту невинную и наивную, как редкая девушка, обитель, если бы последняя только вздумала продлить своё гостеприимство за пределы тогда предписанного года!

Но куда тебе, грешному, тягаться с коридорной сценой при кухне с туалетом на этаж, где на концертах ударных инструментов не только на счастье бьётся своя посуда звонкой рыбой о растрескивающийся лёд чужой мебели! Хоть билеты продавай полиции.

Ныне общежития образумились и к расставанию «всегда готовы», как и повзрослевшие пионеры с нашими именами опять без отчества и впервые без Отечества. «Торжественную клятву» готовности ко всему не торжественному на свете мы сдержали в Советской Армии и в не советском общежитии – курорте с колючей проволокой, как в санаторных западноевропейских тюрьмах. Потому-то и рвутся туда добровольно от своих надоевших свобод восточные журналисты. И вот теперь широким жестом двоюродного государства выплеснута из узкой кастрюли родного собеса та давно прокисшая «демянова уха». «Жаль только, жить в эту пору прекрасную...»

Но «нет худа без добра». Ведь и страшная армия подарила бесстрашный оптимизм: «хуже» уже «не будет». И ты, общежитие, было просто сказочным рогом изобилия науки если и не побеждать, то хоть красиво проигрывать при обворожительно «загнивающим и умирающим капитализме» в былой «стране мыслителей и поэтов». Их счастье, что своевременно стали классиками, иначе бы оказались прямо в своей родной стране такими «внутренними эмигрантами», что «нам», внешним, «и не снилось». Оживи Тарас Шевченко в нынешней Украине – не то что о больших портретах, даже о малой общественной помощи не мечтал бы. А вот нам повезло ожить именно здесь. И тихие пока дифирамбы за спиной ещё заглушает «вечерний звон» вроде бы наших монет-иномарок, а купюры шелестят дальше и реже «грибных дождей».

Не обогатил ты нас и такой дешёвой драгоценной вежливостью. Зато познание друг друга то и дело выходило из берегов. Где бы ещё встречались на равных обладатели выстраданных печатных трудов и непринуждённой непечатной лёгкости, неподкупные в СССР таможенники и скупающие СНГ на корню «челноки»? Где бы ещё профессор-поэт стал вело- и в посильной мере автомехаником и его кудрявую голову вскружили слова «мастер золотые руки»?

«Сделай мне ручкой, общежитие!» И не шариковой, как твой начальник и чужая бомба. Сплошное «Горе от ума». Тобой наелся навсегда. Сюда «я больше не ездук». «Карету мне» не подадут. Вези меня, мой «Мерседес»!

ЯЗЫЧНИКИ [Himmelsohn 2001: 95–97; Himmelsohn 2004: 409–411; Himmelsohn 2004-2: 496–498; Гимельзон 2009: 55–57]

Нет, это не альтернатива, а её отсутствие: курсы немецкого языка в Германии.

Когда-то не изучавшийся разве что в детсадах и яслях, он вместе со своими носителями полностью и безоговорочно капитулировал даже в научных журналах с немецкими обложками.

За полвека до въезда мне вполне хватило бы наличных «Хенде хох!», «Ахтунг!», «айн, цвай, ... , цен», вылетающих, как из автомата Калашникова, а дополнявшие внушительный языковой багаж «Гутен морген/таг/абенд!», «Данке!» и «Битте!» были бы архитектурным излишеством, способным развращать побеждённых.

На столь насыщенном немецком фоне мой далеко не шекспировский английский не только впервые показался, но и сначала оказался родным. Словно «луч света в тёмном царстве», он вёл меня за руку по учреждениям («Как много в» здесь не русском «звуче для сердца русского слилось!») и улицам с названиями, иной раз таинственными даже для краеведов, «съевших» криво или прямо на них «четвероногого друга».

Но и в былой «стране мыслителей и поэтов» читает того же Шекспира в подлиннике удивительным образом всё-таки не каждый продавец. Иначе не пришлось бы мне гладить обувь при покупке крема для неё и такими окрылёнными взмахами рук демонстрировать силу тяги к инсектицидам, убедившим, что и язык Древнего Рима вымер-таки даже в его былых владениях.

Но художественная самодеятельность меркнет перед языковыми курсами, более театральными, чем жизнь и сам театр. Именно в нём давала когда-то уроки правильной и выразительной, но какой-то не нашей немецкой речи одна наша преподавательница. Наверное, те актёры напоминали ей грациозных и, если ей известно, «трепетных ланей», с

которыми «старые», как мы, «кони» не то что «в одну телегу» «не впрягаются», но от потери самоуважения даже пословицу забывают и поэтому «борозду портят». А мы если и выглядели, как кони, то исключительно как небывалые клячи, способные лишь пятиться назад, и это было вперёд!

А над нами – также «над всей Испанией безоблачное» высокое немецкое «небо», где витал в вихре параллельно преподаваемых не нам латиноамериканских танцев ещё и наш учёный наставник, специалист и по испанской литературе. Жаль, не дождался он разлёта непарнокопытных птенцов из шестимесячного гнезда и дотанцевался-таки до вылета из страны потребителей зелья в производящую Колумбию президентом... школьной библиотеки.

Но лучше ли вросшему незыблемым дипломированным дубом в здешний серокаменный чернозём преподавателю, говорящему на 20 языках с коллегами... по подъёму мебели на высокие этажи без лифта? Одна отрада: пятый, как графа, русский называется четвёртым немецким, так что таскать здесь легче.

Зато «рождённые ползать» пусть и здесь не «летают», но в каком седле «на белом коне» засиделись, – закачаешься!

А «у нас» была «своя свадьба». Если кто и делал в редких тестах частые ошибки, то зато его на частых опросах редко дёргали за язык, если, конечно, сам не дёргался.

Я же влюбился в удивительно логичный немецкий язык «с первого взгляда»... в академический курс грамматики Дудена. Правда, и «днём с огнём» не вижу смысла в назывании десятков многозначного числа в конце. «Сами заварили» эту «кашу» и ещё её, будто бы не зная, что «кукушка» наших курсов «уже прокуковала» их конец, усердно приправляют таким облегчающим новым правописанием, что и прирождённые немецкие кони дрожат от уверенности и то и дело спотыкаются, а нам, урождённым, «с ними расхлёбывай».

«А в остальном, прекрасная маркиза...» – дисциплина нагляднее полиции. «Архимедова точка опоры» – вторая позиция сказуемого в повествовательном танце. Это на просторах СНГ можно вытанцовывать предложения даже дамам, «как душе» или куда чаще её отсутствию «заблагорассудится».

Русские учебники немецкого упорно, из поколения в поколение, учат немцев смещению отрицательной частицы за предложный оборот в конец предложения для его полного отрицания, а те, «неразумные», как «хазары», до сих пор сопротивляются с упрямством и на их языке воспетых баснями ушастых четвероногих и так и лопочут по-своему, «добросовестно заблуждаясь».

Но и русскоязычным «есть чему поучиться». Оказывается, немецкая девушка – оно. Тем хуже для неё самой и её... нет, друзей, здесь в этом и

рабочих характеристиках – сплошное дипломатическое расшаркивание «для непосвящённых». Нет, она – это оно, надо срочно исправиться, пока не поздно. Тем хуже для него самого и его друзей, – язык и тот ломается. А для нас и здесь наших таких женственных девушек – хоть завались. Не беда, что иной наш в доску конструктор немецкого и даже русского предложения русскоязычной смешнее Жванецкого, но только для тех, кто понимает.

А овцам и козам немецкой национальности предстоит бэкать и мэкать или мягче, или с умляутом. И где ещё пригодится родное украинское «гэ» тем, кто выдыхает не то, что нужно, а то, что может?

Становилось легче от анекдотов о демобилизованных воинах как абитуриентах. Одному было всё равно, какой иностранный сдавать, другой владел только одним языком, который во рту, но не знал, что такое «иностраный», зато грамотный третий – устным непечатным. Беззаботно смеяться здесь над этим можно было бы только от всей немецкой души, а наша заботливо грустила.

Но и медведя учат танцевать. И хоть мы немного чаще блистали незнанием изученного, чем знанием неизученного, почему-то не улыбалось быть более косолапым, чем тёзка реформатора...

И всё-таки как хорошо, что в нашем «подлунном мире» хоть и «ничто не ново», но удивительно много хорошего! Разве плохо, «что коровы» пока «не летают»? Но куда лучше, что мы сами прилетели всё же не в Японию с расширенными китайскими иероглифами, и без того бесконечными и на одно лицо, как и тамошние заниженные и зауженные узкоглазые немцы. Но почему это они так дружно не только на солнце щурятся?..

ДОРОГАЯ ДОРОГА [Himmelsohn 2001: 98–100; Himmelsohn 2004: 412–414; Himmelsohn 2004-2: 499–501; Гимельзон 2009: 57–59]

Бесподобна Германия – моторизованное «чудо чудес». Если при 82 млн. населения – 53 млн. автомобилей, то «какой же» зрелый немец «не любит быстрой езды»? Иная монашка чуть за 80 летит на мотоцикле далеко за 80. На автомагистралях хоть плюс бесконечность развивай. Но шутки шутками, а безрассудные мотоциклы и рассудительные «Мерседесы» отмахивают все 300 с готовностью взять иные самолёты на буксир.

Хочешь – бери машину в подарок, «дарёному коню в зубы не смотрят», спасибо, что на ходу. А иногда ещё и приплатят, чтобы только взял. «Цветочки» – застраховать её так, чтобы, «раздевая» тебя, оставила хоть «в пределах приличия». «Ягодки» – получить права вождения, звучные («фюрершайн») и поэтому часто недостижимые, «как свет далёкой» и, быть может, заведомо «погасшей звезды».

Соблазнился и я. Ещё в СНГ добрый знакомый неожиданно серьёзно заявил, что я при моих достижениях должен не ходить пешком наравне с

ним, а мимо него проноситься на белом «Мерседесе». Недолго думая, реализовал я его мечту в классически «белых одеждах», но за неимением его здесь проносился мимо непосвящённых.

Спасибо за прозу бдительности и поэзию манёвра диктующему буквоеду из почему-то автомобильной школы и понимающему читателю из ГАИ!

Разве можно забыть «родившегося в» русскоязычной «рубашке» пьяницу, что заплетающимся прыжком бросился под колёса «Мерседеса», соблаздившего и его своей неотразимо обворожительной бело-никелевой улыбкой и при этом не по ново-русским законам природы «кинувшего», а согласно старо-немецким «па-де-де» с миром покинувшего?

Не обижу и упомяну хоть скопом многочисленных до безымянности заготовителей «рогов и копыт» в виде тесных объятий при парковках и подъездах к ним, благо живу на местном Арбате, откуда отъедешь километра за полтора – и можно парковать машину свободно, как в немецком колхозе с не советскими дорогами.

По истечении льготного (с ездой по переводу советских прав) года, удостоившись громкого одобрения за тихую безгрешную сдачу «весёлых» немецких «картинок» и скучных не очень-то теоретических премудростей, я твёрдо схватился за руль сразу же после команды инструктора «Следующая жертва!», смысл которой доходил до меня и долго, и дорого.

Оказалось, что даже при безупречном поведении машины водитель может хромать на «все четыре колеса» и даже пятое «тачанке-ростовчанке». Всё «необходимое и достаточное», как условие теоремы, можно видеть, но совсем не уметь смотреть и смотреться.

Чтобы «легче» было «на душе» и в кармане, опытный дояр-инструктор грамотно печатал устные похвальные грамоты.

«Зачем ты в наш колхоз приехал», незванный дядя-ревизор? Куда там «комару» – самодеятельному «точильщику» «носа»! «Дело мастера боится», и неисправимый протокол дал обухом «что в лоб, что по лбу» и «зарубил»-таки «на носу»: если головой мало крутить, то её надо открутить. Подумаешь, что машина шла и пришла как и куда надо. «Туда ей и дорога», да только без меня. А почерневшие от горя «дворники» заботливо смахивали с избитого столь жестоким встречным ветром стекла суровые мужские слёзы расплющенного в мутные лепёшки унылого свинцового дождя...

Но не к лицу же капитулировать перед младшим ровесником былых капитулянтов! Сменил я для верности автошколу и инструктора, но снова дождь, тот же экзаменатор и поправляющийся протокол, проворчавший, что уже лучше, но теперь голова может открутиться уже сама. Инструктор сознался: тот обычно даёт права с третьей попытки. Так надо было и начинать сразу с неё! А обычай – не гарантия. «Деньги вперёд» – да, «деньги – права» – нет. Так что за новые грустные «деньги на» старый

«весёлый ветер» душа жаждала если и «наступит» снова «на грабли», то хотя бы на другие. И прежние сами ушли на давно и бесспорно заслуженный отдых с горя от моего провала. Неужели дошлый ревизор, чей пронзает леденящий взор, пенсией не выскочив на ставку, не получит тёплую надбавку?

Словно славно отмечая день рождения Пастернака, закалённая февральская судьба подарила майское солнце, золотую середину моих взглядов на вещи в светящемся надеждой автомобиле и наконец-то нового экзаменатора.

Какой долгожданной, где-то надолго загулявшей и, казалось, навсегда заблудившейся музыкой звучал его «заключительный аккорд»! Заметив, что в узких местах не только я должен продемонстрировать непохожесть на самое упрямое животное, благодетель не дрогнувшей рукой открыл шлагбаум перед моим «Мерседесом», соскучившимся «на приколе». Целая страна показалась куда более приветливой и дружелюбной. И запела радостная душа: «Жить и верить – это замечательно!»

А водившие десятилетиями по разбитым дорогам даже автобусы шутят всерьёз о руках, почему-то дрожащих на ровном месте при ровном дыхании ревизора, о капитуляции после четвёртой попытки и о восхождении на это седьмое небо с шестой.

Многим на дороги на загляденье остаётся только заглядываться.

Учатся и сдают на удостоверения и рыбаки, не за горами и пешеходные школы.

А не мечте ли русских идиотов загадочно улыбается немецкий тест на идиотизм?

И, может, лучше бы я изначально не соблазнялся машинами и прочими дамами или хоть сейчас прозрел, стал уважать более «зелёной волны» волну «зелёных», прорвавшись к рулю без особых прав на вождение, и взял обет хранить свои здешние вместе с былыми «на гвозде» как неприкосновенную реликвию и вечно летать на таких ангельских крыльях реактивного велосипеда?

Материалы и методы. Сущность лирического юмора как собственного жанра автора собственной унифилософии, включая унионтологию [Gelimson Всеобщая сущность 2014] и унигносеологию [Gelimson Уни(по)знание 2014], представлена выше явлением – целостной синергетической триадой лирических юморесок «Здравствуй и прощай!», «Язычники» и «Дорогая дорога».

Обсуждение. Названную триаду лирических юморесок объединяет триада главных героев. Её, помимо очевидного лирического героя с его на

глазах преображающейся приобщающейся душой, составляют постигаемая на скоростном ходу Германия с её языком и, наконец, не без гоголевского влияния сам лирический язык. Последнему почему-то кажется и хочется надеяться, что он в какой-то степени искусно удерживает равновесие на тонкой грани между столь притягательным поэтическим и подобающим жанру прозаическим соблазнами и переливается живым соцветием литературной радуги. Но ему помнятся и бессмертные строки пушкинского «Признания»: «Ах, обмануть меня не трудно!.. / Я сам обманываться рад!» И в такой скромной надежде на достаточную красноречивость остаётся ограничиться немногими дополнительными полезными замечаниями.

«ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ!» Коммуналка – лишь на первом плане оживлённый образ «одинокого», как «гармонь», общежития, страстно зовущий к заслуженному безграничному обобщению. Как часто бывает, умолчание многозначительнее оглашения. А в ритмичной концовке очевиден другой Александр Сергеевич – Грибоедов, достойный соперник «дедушки Крылова» по несказанной доле разобранного на цитаты.

«ЯЗЫЧНИКИ». Особо интересно изучающим немецкий. Овцы и козы «легки на помине» в их год. Затруднительное иероглифическое письмо и мышление выигрышно преображают последнее с куда более действенной опорой на правое полушарие, без которого не постичь бесконечности.

«ДОРОГАЯ ДОРОГА». Не случайна улыбка судьбы в день рожденья кого? Пастернака. Встречался случай сдачи именно с 13-го раза. Что касается бесконечности не только применительно к скорости, то лишь в 1994 году впервые за почти 2500 лет собственные универсальная математика [Gelimson 1995, Gelimson 2004], унифилософия, включая унионтологию [Gelimson Всеобщая сущность 2014] и унигносеологию [Gelimson Уни(по)знание 2014] автора обеспечили точное измерение действительных бесконечностей и бесконечно малых с точным соблюдением всеобщих законов сохранения и полным объяснением апорий Зенона о бесконечной делимости любого тела и о сущности движения и покоя.

Заключение. Добавим ранее написанное стихотворение автора «Дорогая дорога» на русском (1991) и немецком ("Die Farben der Fahrbahn", 1996) языках:

ДОРОГАЯ ДОРОГА [Гелимсон Gelimson Гелимсон 1992: 46–47;
Himmelsohn 2004: 74–75; Himmelsohn 2004-2: 108–109]

Тебя не обойти, тем паче не объехать.
И нет тебе конца, и нет тебе цены.
Протекторы опять в залысинах от бега.
Ты в пыль стираешь дни, а годы спасены.

Не так ли хлещет кровь в артериях и венах?

А сердце где твоё, рождающее пульс?
Ты вся – калейдоскоп, каскад чудес мгновенных,
тревожный, ломкий блеск рассыпавшихся бус.

Ты вздыблена, как конь, в карьер срываясь с места,
чуть зеленью сверкнёт живительный твой свет.
Не ты ли всех роднишь в единое семейство
и топишь здравый смысл в опасном удалстве?

Меняет светофор свой колорит контрастный.
Регулировщик мнит: «А чем не дирижёр?»
Игра ли за стеклом? Кипят, бушуют страсти
и рвутся в скоростях ужасным тиражом.

Ты рушишься, как шторм, где каждый вал – девятый.
Но врётся – и не возьмёшь, губительная дрожь!
Затычкой шум в ушах – заложены, как ватой.
Обидчик рвёт в обгон, – терпенье перетрётся...

От всех портретов прочь! И первенство – пейзажам!
Вдыхаю лесостепь, «выдавливаю» темп,
в сиденье утонув, «на царствие посажен»,
и слышу твой рельеф, его неровный тембр.

Ты «вьёшься, как змея», в невероятном танце.
Неутомимый руль вращает горизонт.
В любой грядущий миг любое может стать,
укрытое от глаз туманной бирюзой...

Ныряю я в туман и «еду за туманом».
Разметка есть и знак. Вникаю в твой язык.
Ты видишь больше всех и видишься томами,
которые открыл и черпаю азы.

Никак я не пойму: ты цель иль только средство?
Пытаюсь разгадать замысловатый бег.
Как жить мне без тебя? Давай рассудим трезво:
я еду по тебе и всё-таки к тебе.

Тобою только пьян. И чем ты не наркотик?
Как скульптор, в чутких снах я облик твой леплю.
Литой чугуна в ногах – почище, чем на кортах.
Окончен плен ремня. Клянусь тебя. Люблю!

То же и на немецком языке с вынужденно преобразованной поэтикой
названия:

DIE FARBEN DER FAHRBAHN [Himmelsohn 2001: 80–81;
Himmelsohn 2004: 393–394; Himmelsohn 2004-2: 480]

Wer weicht dir allzeit aus? Wer kann dich ganz bereisen?
Kein Ende, ohne Start, denn du bist überall.
Die Reifen werden kahl. Warum bleibst du so reizend?
Kein Pfeil fliegt so blitzschnell, so häufig bremsbereit.

Die Zeit vervielfachst du, zu Pulver sie zerreibend.
Du schlägst wie heißes Blut. Wo klopft dein großes Herz?
Es gibt hier Tag und Nacht nur einen Feierabend,
solch ein Kaleidoskop des Frühlings auch im Herbst.

Du bäumst dich wie ein Pferd, vom Flecke weg zu streben,
sobald belebend-grün das Auge wieder wird,
und führst Vernunft von uns in Wunderkühnheitstreppen
wie unser Seelenwirt: Verwandte werden wir.

Die Ampeln ändern stets ihr Kolorit kontrastreich.
Verkehrsregler, du bist für uns der Dirigent!
Hier braust die Leidenschaft ganz fröhlich und ganz traurig.
Ihr, Fahrstreifen, deshalb beschleunigt euch getrennt!

Du stürzt dich wie ein Sturm: Die Wellen werden höher.
Kein Zittern, keine Angst: verderbliche Gefahr!
Durch Ohrenwattenlärm kann ich dich nicht mehr hören.
Wer überholte mich? Ich hab' ihn nicht gewahrt...

...Die Bildnisse sind weg, die Landschaft hat den Vorrang.
Ich atme Steppen ein. Das Tempo liebe ich.
Der Sitz ist Königsthron. Wozu ist mir die Wohnung,
statt wiegenden Reliefs das Lebenslabyrinth?

Du schlängelst dich so rasch in ungeahntem Tanzen!
Mein Lenkrad mit Gefühl, dreh diesen Horizont!
Im nächsten Augenblick kann die Gefahr auftauchen,
der jeder ins Gesicht gerade sehen soll.

Ich schwimme stets in dir, in deinem blauen Nebel.
Bezeichne meinen Weg und sprich durch jedes Schild!
Am weitesten blickst du – mein Schicksal und mein Leben
und häufig meine Tat, für die ich mich entschied.

Mehrbändiges Traktat! Ich schöpfe Anfangsgründe...

Ist dein verzwickter Lauf nur Mittel oder Ziel?
Und meine Seele fährt mit dir zu dir ins Grüne,
damit nur die Natur sie mit Geduld erzieht.

Wodurch berauscht du mich – mein Himmel, meine Sonne?!
Dein Bild gestalte ich in Träumen unbedingt.
Die Farben meines Glücks sind satt in deinem Sommer.
O Fahrbahn! Bist du weg? Warum? Ich liebe dich...

Библиография

Гелимсон Лев, Gelimson Lev, Гелімсон Лев. Сокровенное не утаив... My Inmost. Не приховуючи потаємне. Стихи. Poems. Вірші / Предисл. Бориса Чичибабина; Foreword by Theodore Serbul; Передмова Ю. Й. Назаренка. Ред. член СП Украины Ю. И. Назаренко, Ph. D. in English Philology Theodore Serbul and Ph. D. in English Philology Janet Gendelman. – Сумы : Изд-во «Графика», 1992. – 64 с.

Гимельзон Лео. Язычники. Дорогая дорога // Литературный альманах мировой русскоязычной диаспоры «Под небом единым» / Международная творческая группа «Тайвас»; Автор предисловия : Министр иностранных дел России Сергей Лавров. – Санкт-Петербург : Изд-во «Геликон Плюс», 2009. – № 3. – 232 с. – С. 55–59.

Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Gelimson Lev. Всеобщая сущность (унионтология) с открытием непрерывного всеединства сверхэлементного мироздания (сущего и его бытия): законодательство: начала, первоосновы, законы и правила, или свойства, триединого всеохватывающего неразделимого сущего и его бытия как общности вещности и духовности. – Мюнхен : Изд-во Всемирной Академии наук «Коллегиум», 2014. – 48 с.

Gelimson Lev. Уни(по)знание, или всеобщие эпистемология, гносеология, методология: содействующая целостность средств, способов и стратегий сверхчувствительных исследования, постижения и преобразования триединого сущего и всеобщих наук автора: законодательство: начала, первоосновы, законы и правила, или свойства, всеобщих бесконечного, открытия и изобретения. – Мюнхен : Изд-во Всемирной Академии наук «Коллегиум», 2014. – 48 с.

Gelimson Lev. Basic New Mathematics. – Sumy: Drukar Publishers, 1995. – 48 pp.

Gelimson Lev. Elastic Mathematics. General Strength Theory. – Munich : The "Collegium" All World Academy of Sciences Publishers, 2004. – 496 pp.

Himmelsohn Leo. Опечаленное счастье. Засмучене щастя. Sad Luck. Betrübtes Glück. Русская, украинская, английская и немецкая поэзия. Лирический юмор. Російська, українська, англійська і німецька поезія. Ліричний гумор. Russian, Ukrainian, English, and German Poetry. Lyrical Humor. Russische, Ukrainische, Englische und Deutsche Poesie. Lyrischer

Humor. – Munich : The "Dominanta" International Academy of Sciences Publishers, 2001. – 104 с.

Himmelsohn Leo. Полное собрание лирики. – Мюнхен : Изд-во Международной Академии культуры "Dominanta", 2004. – 512 с.

Himmelsohn Leo. Полное собрание лирики. Изд-е 2-е, перераб. и доп. – Мюнхен : Изд-во Международной Академии культуры "Dominanta", 2004. – 616 с.